

УДК 330.(09).2

ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ДОСТИЖИМА ЛИ ОНА? ДИСКУССИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

© 2006 Г. М. Ипполитов

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

В статье излагаются (в ключе дискуссионных рассуждений) некоторые позиции автора по проблеме объективности исторических исследований

Ученый не обязательно должен всегда отвечать на вопросы, но он, безусловно, должен их правильно ставить. Иногда заслуга правильной постановки вопросов может оказаться даже более важной, чем нечеткий ответ.

Д.С. Лихачев

Скорее всего, практически невозможно найти хотя бы одну защищенную диссертацию по историческим специальностям, в которой бы ее автор не заявил, раскрывая методологические основы исследования, о своей приверженности к объективности как к одному из фундаментальных принципов теории и методологии исторической науки. Это же можно сказать и о солидных монографических исследованиях.

Подобное положение дел не должно смущать: принцип объективности действительно является одним из фундаментальных принципов теории и методологии исторической науки. Под ним, как правило, подразумевается рассмотрение как всего корпуса источников, так и реального исторического материала по исследуемой теме во всем многообразии, без каких-либо заранее заданных оценочных суждений и конъюнктурных соображений¹.

Кажется, на первый взгляд, все ясно. Но только на первый... Достижима ли объективность исторических исследований?

Вроде бы автор данных строк задает вопрос, который можно расценить, в качестве алогизма по отношению к позиции, высказанной выше. Алогизма, однако, здесь нет, а есть здоровая доля сомнений, которая

должна быть присуща любому исследователю. Как тут ни вспомнить великого ученого Д.С. Лихачева, заметившего однажды, что исследователь не должен оставаться пленником своих концепций...

По моему глубокому убеждению, на вопрос, поставленный выше, нет простых, однозначных ответов. Поэтому, ни коим образом не претендуя на изречение истин в последней инстанции, выскажем в дискуссионном (но не в полемичном) ключе некоторые суждения по объекту и предмету своего небольшого исследования, обозначенному в названии статьи.

Прекрасно осознаю, что вторгаюсь в сферу теории и методологии исторической науки, то есть в ту сферу, где исследователь априори обрекает себя на огонь критики. Причем, по ученому часто "стреляют из стволов тяжелой артиллерии крупного калибра". А ответить на убийственный огонь порою трудно. Ведь теория и методология истории — такая область научных знаний, где нет до сих пор устоявшихся дефиниций, четко обозначенных законов (подобно, например, философскому закону диалектического синтеза).

Сегодня модно критиковать марксизм. И по делу, и просто, как дань моде. Не бу-

дем вдаваться в данной связи в дискуссию, дабы не выйти за рамки предмета исследования. Заметим лишь, что любая обоснованная теоретическая система и любая методология несут в себе рациональное зерно. Отдельные положения марксистской теории и методологии науки не утратили значения и в современных условиях. Одним из таких признанных сегодня во всем мире является философско-гносеологический потенциал классического марксизма.

Сказанное не означает, что следует механически переносить всю совокупность взглядов и выводов классического марксизма середины прошлого столетия в настоящее время и некритически распространять данные взгляды, в частности, на теорию и методологию исторической науки. Сделать подобное, значит, скатиться на позиции догматизма. Того догматизма, главную характерную черту, которую четко определил Г. Ф. Гегель как одностороннее рассудочное мышление, когда “исключаются противоположные определения”². Того догматизма, который выступает в тесной связи с конъюнктурщиной, отличающейся от догматизма лишь тем, что она может быть не законченной, а постоянно видоизменяющейся, реагирующей на политический ангажемент.

Между тем, изложенное выше не отрицает того факта, что и сегодня в вопросах исследования процесса историко-научного познания можно опираться на основные выводы диалектического материализма. Это относится к той его части, которая рассматривает любой объект как систему, конечную во времени и пространстве и, в то же время, находящуюся в непрерывном изменении, то есть возникновении и исчезновении тех или иных ее сторон³. Системный подход диалектического материализма предполагает понимание всякого объекта как системы элементов, на которые он объективно распадается, и одновременно как элемента более широкой системы. Только рассмотрение объекта в развитии, во взаимодействии его внутренних элементов и в совокупности его внешних взаимосвязей дает возможность описать сложность про-

цесса научного познания, выступающего как закономерная и высшая форма отражения действительности в сознании⁴. Поэтому попытаемся дать свои варианты ответов на поставленный выше вопрос о возможности достижения объективности исторических исследований, используя, в том числе, диалектический и диалектико-материалистический подходы.

В научном исследовании *диалектический подход* подразумевает, в первую очередь, использование объективно обусловленных, научно разработанных, практически проверенных и наиболее эффективных в конкретных условиях диалектических принципов исследования: взаимоотношений общего и особенного, качества и количества, целого и части, принципов комплексности, системности, развития и пр.⁵

Диалектический подход тесно связан с *диалектико-материалистическим подходом*, так как в рамках диалектико-материалистического подхода развитие познания, в том числе и научного, понимается как объективный процесс, развивающийся в форме субъективной познавательной деятельности исследователей. Определяющими факторами развития процесса познания выступают внутренние и внешние противоречия, а сам процесс представляет собой в целом, последовательность качественно различных ступеней восхождения от простого знания к сложному, от менее полного к более полному знанию, от низшего знания к высшему, в том числе и в ходе историко-научного познания⁶.

В то же время, заявляя об использовании в исследовании проблемы диалектического и диалектико-материалистического подходов, я дистанцируюсь от *классового подхода к оценке событий и явлений*. Он является, как известно, родовым признаком марксистско-ленинской методологии исторической науки (да и не только) и предполагает изучение событий и процессов с позиции определенного класса (пролетариата). К.Маркс (по словам В.И.Ленина) полагал, что необходимо “вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном об-

ществе, доказать переходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату, для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией”⁷. Выглядит закономерным, что политические лидеры и идеологи правившей в нашей стране с ноября 1917 по 1992 гг. коммунистической партии не только узаконили классовый подход в исторической науке, но и возвели его в абсолют, причем научно обосновав данное деяние⁸. Однако на современном этапе приращения исторических знаний классовый подход, безусловно, потерял ту значимость, что придавалась ему в советской исторической науке. Не случайно, в ряде современных исследований отмечается следующее обстоятельство: использование классового подхода к оценке событий и явлений вне связи с другими принципами в познании видится недостаточным, так как помимо классовых подходов присутствуют общечеловеческие подходы, учитывать которые исследователю необходимо⁹.

Если внимательно проанализировать логику рассуждений по всему тексту статьи, то можно заметить, что кроме диалектического и диалектико-материалистического подхода здесь просматриваются и элементы других подходов: развитый системный подход; компаративистский подход; синергетический подход. Подобное детерминировано тем, что подходы, перечисленные выше, несут в себе огромный потенциал для познания объективной реальности.

Развитый системный подход. Он получает все большее распространение в гуманитарных науках¹⁰. “Систематика присуща науке, – конечно, настоящей, подлинной науке, – есть не наше изобретение; она кроется в самих вещах, и мы просто ее открываем”, – писал видный философ Э. Гуссерль¹¹. Подобную позицию можно, естественно, и не принимать, но, в конечном итоге, с ней трудно не согласиться. В системный подход входят представления о целостности объектов мира, соотношении целого и частей, взаимодействии системы со средой как об одном из условий ее существования, иерар-

хической структурированности каждого объекта¹².

Компаративистский подход. Он позволяет выявить сходство и различие в интерпретациях процессов, событий, явлений¹³.

Синергетический подход. Имеется в виду признание такого положения концепции самоорганизации или синергетики, как нелинейность эволюции научного знания, которая может быть развернута посредством идеи инвариантности, альтернативности выбора развития научного процесса¹⁴.

Необходимо подчеркнуть, что объективность рассмотрения предмета является первым, отправным элементом диалектики. С данной точки зрения можно утверждать, что объективность является для всякого здравомыслящего человека аксиомой и первой установкой познания.

Что характерно: важность сознательной ориентации на объективность рассмотрения предмета зафиксировали еще в античной философии. Как писал Г.-Ф. Гегель, абсолютный метод, то есть метод познания объективной истины, “проявляется не как внешняя рефлексия, а берет определенное из самого своего предмета, так как сам этот метод есть имманентный принцип и душа. Это и есть то, чего Платон требовал от познания: рассматривать вещи сами по себе, с одной стороны, в их всеобщности, с другой – не отклоняться от них, хватаясь за побочные обстоятельства, примеры и сравнения, а иметь в виду единственно лишь эти вещи и доводить до сознания то, что в них имманентно”¹⁵.

Диалектический материализм обосновывает принцип объективности посредством обращения к теоретическому положению о материальном единстве мира, к положению о первичности материи и вторичности сознания. Он исходит из атрибутивности отражения и сознания как высшей (из известных нам) формы отражения. Материальное единство мира означает, помимо прочего, единство сознания и материального бытия. Их “тождество” достигается в познавательной деятельности субъекта, когда результатом этой деятельности является истина,

адекватность отражения; движение мысли должно, в конечном итоге, совпадать со вновь открываемыми движениями материального бытия, "...материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений..."¹⁶. Все это служит основанием для требования (императива, или принципа) диалектической логики – *принципа отражения*.

Принцип объективности своим следующим, вторым императивом фактически элиминирует также агностическую ориентацию познания: он требует признания *познаваемости сущности материальных систем*. Поскольку сущность раскрывается наиболее полно в практике, выдвигается императив: взаимосвязь познания и практики, включающая в себя и установку на практику как на ведущий, главный критерий истины. Объективность истины по содержанию, обуславливающая ее конкретность, дает основание для формулировки императива конкретности, а диалектика относительной и абсолютной истины *требует единства относительной и абсолютной истины*.

Исходя из таких постулатов можно утверждать: объективность исторических исследований достижима. Тем более что история развивается в рамках *законов и закономерностей*. Но снова за видимой простотой скрываются сложности.

Ученых, рискующих сформулировать законы истории, найдется не так уж много. Первыми в данном ряду шагают классики марксизма-ленинизма, претендовавшие на открытие универсальных законов исторического развития. Увы, не все их законы оказались таковыми, многие не выдержали испытания общественно-исторической практикой. Можно вспомнить и американского историка Эдварда П. Чейни, провозгласившего свои "шесть законов истории" в Американской исторической ассоциации¹⁷. Другой – немецкий историк Курт Брейзинг – сформулировал не менее 35 "законов истории"¹⁸. Но их законы, подобно постулатам марксизма-ленинизма, так и не стали универсальными законами истории.

Не стоит удивляться: открыть законы истории чрезмерно сложно. И все-таки они есть. Об этом хорошо сказал академик РАН Ю. А. Поляков: "История развивается по определенным законам, определяющим, в конечном счете поступательный ход. Но проявляются эти законы по-разному в разных странах и в разное время. Они, законы, не обнаруживаются в чистом виде, подобно дистиллированной воде. Они выступают в причудливом переплетении всевозможных обстоятельств – войн, неурожаев, эпидемий, стихийных бедствий, династических коллапсов, трагедий, потерпевших поражение, и триумфа победителей, в бесчисленных проявлениях позора и славы, чести и бесчестия, мужества и трусости, преданности и предательства"¹⁹.

Считаю, что у исследователя нет права на нигилистическое отношение к попыткам открытия законов и закономерностей в истории. Ученым всегда придется сталкиваться с повторяемостью событий: Цезаря, единственного и неповторимого во всемирной истории, заговорщики убили только один раз, но тиранов и диктаторов убивали неоднократно. Следовательно, необходим поиск закономерностей.

Впрочем, все это так дискуссионно, полемично...

Вот почему в спорах в сфере теории и методологии истории рельефно наблюдается парадокс, суть которого сводится к следующему. Ученый, стремясь максимально постичь исторические законы и закономерности, максимально убедительно доказать личные теоретико-методологические построения, довольно часто попадает под влияние магии формулы одного из парадоксов человеческого познания: "Каждый видит то, что хочет увидеть, каждый слышит то, что он хочет услышать".

Наукой истории давно доказана истина: накопление фактического материала само по себе ничего не прибавляет к пониманию прошлого без их объяснения. Еще в начале XIX в. крупный российский мыслитель П.Я. Чаадаев писал, что сколько бы фактов ни накапливалось, они "никогда не при-

ведут к полной достоверности, которую может дать нам лишь способ группировки, понимания и распределения”²⁰. Такое “понимание и распределение” определяется теоретико-методологическими представлениями историка. Они и есть та “точка зрения”, без которой, писал П.Б.Струве, разобраться в фактах нельзя²¹. И степень эффективности объяснения во многом зависит от правильно выбранного теоретико-методологического ключа²². Уместно здесь напомнить и позицию Г.В.Плеханова, заметившего однажды, что всякий процесс развития, всякая история представляется людям в различном виде, сообразно той точке зрения, с которой на нее смотрят. “Точка зрения – великое дело. Недаром же Фейербах говорил когда-то, что человек отличается от обезьяны своей точкой зрения”²³.

Но что данный тезис проясняет в плане ответа на вопрос, поставленный в начале статьи? Проясняет же он следующее: историк, если хочет оставаться верным принципу объективности исследований, призван не гоняться за новомодными парадигмами, а выбирать методологию исследований так, чтобы она была не набором фраз по типу дефиниций (что можно встретить в некоторых диссертациях), а стала своего рода нитью Ариадны в лабиринте фактов. Именно при помощи такой нити ученые могут выйти из лабиринта фактов, суждений, оценок на дорожку исторических обобщений, приближающих их к подлинной исторической правде, то есть к объективности. А такой лабиринт бывает настолько запутан, что лабиринт мифического царя Миноса – просто прогулка по Невскому проспекту.

В пользу возможности достижения объективности исторических исследований и говорит то, что неиссякаемо стремление человечества к постижению многовекового социального опыта предков, сконцентрированного в гигантской лаборатории, имя которой – наука истории.

Однако объективность исторических исследований может быть достигнута тогда, когда ученый, призванный искать истину и следовать ей, не станет подчиняться

конъюнктурным соображениям. Произвольно не идеологизировать и не политизировать историческую науку, а отдавать приоритет гуманистическим ценностям, общечеловеческим интересам, но при безусловном учете национальных, классовых и прочих аспектов видения исследуемой проблемы. Но чтобы достичь такого положения, необходимо выполнить, по крайней мере, ряд условий, которые станут своего рода дополнительными методологическими ориентирами, позволяющими избежать искажений в использовании принципа объективности исторических исследований:

I. Соблюдать научные принципы анализа источников. В исторической науке имеется стройная система источниковедческого анализа, в частности предполагающая изложение фактов и событий методологически верно, в строгом соответствии с действительностью; определение их объективной ценности; установление связей между ними и образование комплекса источников, необходимых для получения совокупности научных фактов²⁴. При этом следует сделать замечание принципиального характера. Несмотря на то, что советское источниковедение находилось под перманентным организационным и идеологическим контролем руководящих органов правившей в стране коммунистической партии, оно смогло, вопреки всему, выработать подходы к источниковедческому анализу, которые, по моему суждению, не потеряли актуальности и сегодня:

- один и тот же источник может содержать и достоверные и недостоверные сведения по различным вопросам;

- определенную информацию можно извлечь даже из недостоверного источника, который в таком случае выступит в роли достаточного свидетеля тенденциозности;

- исторические источники, несмотря на целевую сторону возникновения и субъективное отражение действительности, объективно отражают прошлое, поэтому нет таких, которые непригодны для исследования;

- наличие пробелов в источниках не отрицает возможности познания прошлого;

вопрос лишь в том, чтобы использовать всю совокупность сохранившихся источников с максимальной полнотой²⁵.

Но такие неординарные подходы на практике внедрялись не в полном объеме, имели место серьезные деформации. Советское источниковедение, например, следуя правилам игры, предложенным сверху, не признавало многих позиций так называемого “буржуазного источниковедения”. Например, резко критиковалась нестандартная, противоречивая, дискуссионная, но все равно неординарная позиция американского теоретического источниковедения о том, что источники личного происхождения более свободны от классового содержания²⁶. Пожалуй, самое тяжелое наследие советского времени для плодотворного развития источниковедения – засекреченность огромного пласта документов и тенденциозность документальных публикаций как порождение идеологического диктата. Исходя из новых подходов, утвердившихся в постсоветском источниковедении²⁷, при работе с источниками, следует придерживаться таких принципов:

1. Не подменять исследовательский анализ иллюстративным методом использования источников.

2. Извлекая информацию из источника, помнить два существенных обстоятельства:

2.1. Источник не является объективным отражателем события – он дает лишь ту информацию, которую в нем ищет историк, отвечает только на те вопросы, которые историк ставит перед ним, и полученные ответы всецело зависят от заданных вопросов.

2.2. Источник не является объективным отражением истории и потому, что он передает событие через мировосприятие автора, его создавшего. Данное обстоятельство имеет важное значение, ибо то или иное понимание картины мира, существующее в сознании создателя источника, так или иначе воздействует на те или на те данные, которые фиксирует.

3. Отдавать приоритет при исследовании источников методу компаративизма.

II. Исключить авторские претензии на

исчерпывающую полноту анализа и на оценку полученных результатов как абсолютную истину. Ведь результаты анализа источников и литературы по теме исследования могут быть неодинаковыми у разных авторов, поскольку каждый из них руководствуется собственным общим видением ситуации, а следовательно, и своими критериями оценки уровня накопленных исторических знаний.

III. Обеспечение уважительного отношения к предшественникам, что отнюдь не сводится исключительно к комплиментарным оценкам их наработок. Важно вычленивать из массива историографических источников те работы, результаты которых позволяют ставить новые проблемы и задачи в науке или содержат методы, которые могут быть использованы в решении уже сформулированных, но не решенных задач и проблем. Нельзя замалчивать результаты, полученные тем или иным автором. Но нельзя и приписывать предшественнику результаты, им не полученные, или особенности, не присущие его работе. В противном случае, мы получим искажение фактов и произвольные выводы.

IV. Выделение тенденций в анализе изучаемых проблем и, соответственно, поиск инвариантов в оценке историками тех или иных явлений и процессов. Учет при этом влияния на развитие исторической науки идеологии и политики.

V. Конкретность анализа источников и литературы.

VI. Осторожность в таком оценочном суждении, как “тенденциозность”, по отношению к исследуемым источникам и литературе. Известно, что тенденциозность — избирательность, односторонность, последовательное проведение определенных идей, тенденций; пристрастность или предвзятость, необъективность и пр. Между тем, вряд ли правомочно ставить знак тождества между внутренним содержанием таких понятий, как “тенденциозность” и “ложь”, “противоположность истине”, так как выбор фактов определяется той парадигмой, которую явно или неявно исповедует исследователь. Уместно в данной связи напомнить

оригинальный взгляд К. Поппера: "...Все научные описания фактов в значительной степени избирательны, ...они всегда зависят от соответствующих теорий. Эту ситуацию лучше всего можно описать, сравнивая науку с прожектором... Что высветит прожектор – зависит от его расположения, от того, куда мы его направляем, от его яркости, цвета и т.д., хотя то, что мы увидим, в значительной степени зависит и от вещей, которые он освещает. Аналогично научное описание существенно зависит от нашей точки зрения, наших интересов, связанных, как правило, с теорией или гипотезой, которые мы хотим проверить. Но оно также зависит и от описываемых фактов. Все сказанное в высшей степени верно и в случае исторического описания с его "неисчерпаемым предметом исследования", как охарактеризовал его А.Шопенгауэр"²⁸.

И все-таки, даже когда мы выполним все условия, раскрытые выше, полной объективности в исторических исследованиях *достигнуто не будет*. Тому есть ряд причин:

Во-первых, невозможно до конца избавиться от влияния политической конъюнктуры. Не оправдались и наивные надежды тех, кто полагал, что с падением советской социалистической модели государственного устройства, сопровождавшимся уникальным расцветом свободы слова и печати, автоматически канет в лету и зависимость исторической науки от политики. Увы, историческая наука во все времена и у всех народов была крепко скована одной цепью с политикой. Причем, политика все время не только претендовала, но и выступала ведущей в столь неравноправном союзе. Уместно в данной связи вспомнить иронию американского ученого Ч. Бирда, заметившего как-то, что история "напоминает кота, которого тянут за хвост туда, куда он хочет меньше всего идти сам". Не случайно, в среде историков давно стали расхожими такие суждения: история – "политика, опрокинутая в прошлое"; "каждое поколение переписывает свою историю" и пр. Брак историографии с политикой – брак по расчету, который будет расторгаться очень трудно. Но

неправильно полагать, что засилье политического ангажмента в исторической науке – родовой признак исключительно тоталитарных и авторитарных политических режимов. Подобное существует и в демократических странах (быть может, в несколько смягченных формах). Вот и отечественная историография сегодня стала пространством не только для острых научных дискуссий, но и полем политической битвы, где научно обоснованная критика сталкивается с политизированными точками зрения.

Во-вторых, отрицательное влияние фактора времени. Все мы, живущие в земной жизни — пленники времени, этого одномерного чудища, которое, будучи скалярной величиной, успешно помогает нам превратиться, в конечном итоге, в вектор ни во что. Если, естественно, исходить из классической концепции физики Ньютона. Но человек всегда мечтал вырваться на свободу из темницы времени. И это удавалось всем живущим на Земле, но только в мечтах, мифах, легендах сказках. Удачнее всех оказывались в попытках к бегству из темницы времени писатели, поэты, историки. Они – близнецы-братья. По образному выражению академика РАН Ю.А. Полякова, "и у тех и у других орудие труда – слово"²⁹. Однако историки, в отличие от писателей и поэтов, находясь *здесь и сейчас*, не могут придумать сами все, когда пишут о том, что происходило *там и теперь*. Они пишут, опираясь на факты и документы. В их распоряжении огромный корпус источников, опять же, по образному выражению Ю.А. Полякова, "от древнейшего нуклеуса до вчерашней газеты"³⁰.

Но перед фактором времени историки блекнут. Они вынуждены постоянно пытаться сбрасывать оковы пленников времени, так как исследуют прошлое. А его картину никогда невозможно репродуцировать в полном объеме по ряду причин. Не будем раскрывать их, так как это – предмет отдельного исследования. Заметим лишь в контексте своей темы, что одна из существенных причин заключается в том, что историк является субъектом объективной реальности, про-

текающей в своей системе пространственно-временных координат. И он подчиняется велениям времени как на уровне сознания, так и на уровне подсознания, фрейдового бессознательного и юнговских архетипов. Это хорошо подметил Ю.А.Поляков: «Историк – сын своего времени. Он, как и его сограждане, испытывает бытовые тяготы, терзается сомнениями, верит и теряет веру, его проскваживают ветры эпохи»³¹.

Однако далее маститый ученый высказал суждение, которое иначе, как дискуссионным, и не назовешь: «Но историку положено лучше, чем согражданам, осознавать связь времен, ощущать поступь истории, понимать положительное или отрицательное значение происходящего, видеть за деревьями настоящий лес»³².

В принципе, с подобной позицией трудно спорить, если считать, что под термином «историк» Ю.А. Поляков понимает профессионального ученого высшего класса, коим, безапелляционно, сам является, а не подмастерья из цеха служителей музыки Клио. Того подмастерья, который пишет обо всем и вся, заботясь не о научной достоверности, а о тиражах своих опусов.

И все-таки такая позиция выглядит излишне категоричной. По моему мнению, Ю.А.Поляков в цитате, приведенной выше, не учел в полном объеме именно того, что историк всегда является пленником времени, закованным в мощные оковы. Дело в том, что он не может проникнуть в глубину реального времени, в котором протекал период, им исследуемый. Это реальное время историк, как правило, может представить в виде концептуальной модели. Причем, на ее содержание надо вводить коэффициент корреляции, обусловленный рядом важных факторов: изменения в источниковой базе исследования; глубина освоения историографических наработок предшественников; политическая конъюнктура и др. Репродуцированная историком картина прошлого близка к минувшей реальности (вопрос, в какой степени близка, вынесем за скобки наших замечаний). Близка, но не более того, так как на нее накладывает неизгладимый

отпечаток интерпретационное время, то есть то время, которое мы проживаем. Подобное время, что еще подметил И.Кант, является временем, которое мы воспринимаем как субъективную форму чувственности. А историки — люди со своими симпатиями и анитапатиями, страстями и страстишками, конформизмом и пассионарностью... Кроме того, для каждого из них время течет с разной скоростью: или сжимается либо расширяется (разумеется, не с физической точки зрения, а с точки зрения личностного восприятия бега времени).

И здесь уместно привести позицию философа А.Н. Уайтхеда, известного в качестве крупного методолога науки: «Совокупность суждений об идеях и действиях людей зависит от неявно принимаемых предпосылок. Нельзя оценивать ничто как мудрость или глупость, как прогресс или упадок, не сравнивая это нечто с определенными образцами или подразумеваемыми целями. Эти образцы и цели, распространяясь вширь, становятся движущей силой идей в истории человечества. Они же определяют *концепцию исторического повествования*»³³ (курсив мой — Г.И.). Вот эта концепция исторического повествования и разрабатывается историком в качестве пленника времени. Причем, он не может одинаково творить даже в небольшие временные интервалы, что хорошо подметил, например, такой авторитет зарубежной исторической науки, как Э. Карр. Он считал, что историк отражает общество, в котором работает. По его мнению, не только события постоянно меняются, но и сам ученый подвержен изменениям. Э. Карр считал, что имеет значение время написания и публикации работы. Если философ прав, что мы никогда не сможем дважды войти в одну и ту же реку, то «видимо, верно, и то, что две книги не могут быть написаны абсолютно одним и тем же историком»³⁴.

Влияние времени ощущается историком тогда, когда он попадает в ситуацию, хорошо прочувствованную А.Н. Уайтхедом. Философ писал, что человечество осмысливает свой опыт истории, который иначе не

мог бы быть описан во всей многообразной палитре³⁵. Он признает, что все это построено на фактах. Но описание подобных фактов, по Уайтхеду, “сплошь и рядом наполняется теоретической интерпретацией”³⁶. И далее: “Факты выступают одновременно как некое истолкование, основанное на данных, *отличных от личных ощущений* (курсив мой – Г.И.)”³⁷.

Но можно ли все время анализировать данные без накладывания на них личных ощущений? Можно ли, например, представить, чтобы в многочисленных переизданиях истории КПСС в советское время писалось бы, что и белые, и красные являлись патриотами Отечества? Конечно, нет. Время было такое... Мне могут возразить, что пример неудачный: в данном случае больше ощущается влияние идеологизации и политизации. А что, идеологизация и политизация — *не дети своего времени*(?!)

Так может ли историк вырваться в своих творениях из темницы времени? Нет! Но попытку к бегству он будет предпринимать всегда. И чем больше факторов, объективно благоприятствующих его творчеству, чем субъективно выше его профессионализм, тем тяжелее времени будет удерживать его в своей темнице. Но все одно, удержит... И здесь можно полностью согласиться с этим Александром Кушнером:

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большой пошлости на свете
Нет, чем кланчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять.

В-третьих, исключительно субъективный фактор, связанный с личностью историка. Именно благодаря ему некоторые советские историки в свое время, несмотря на запрет, “нырнули под флажки”. А. М. Некрич, к примеру, попытался сказать правду о трагедии 1941 года³⁸. “Безумству храбрых поем мы песню...”.

Между тем, “нырнув под флажки”, А. М. Некрич остался сыном своего времени, а вернее пленником, ибо его личное время (и как человека, и как историка) культурно фун-

дировано. Другим словами, способ творчества историка форматировался соответствующей культурной традицией. Фундированность в культурной традиции проистекает не только потому, что каждый культурный тип сознания обладает своей уникальной схематикой, но и поскольку в проживание времени включаются смыслы, императивно навязанные и инкорпорированные в индивидуальное сознание³⁹.

Если исходить из подходов, взятых автором на вооружение, то можно выйти на ряд резюмирующих суждений. Итак, достижения ли объективность исторического исследования?

Однозначного ответа не будет, так как принцип объективности – самый сложный принцип теории и методологии исторической науки. Почему? Да потому, что субъективное восприятие реальности и ирреальности – вот подарок и одновременно наказание, данное нам Всевышним. “*Sine ira studio*”⁴⁰, – так призывал писать историю Тацит. Увы, он сам и нарушил прекрасный принцип.

Не стоит доказывать доказанное: *абсолютно беспристрастных историков не существует*. Разве только на кладбище. Однако это не снимает ответственности с ученого. Исследователь может принять любую точку зрения, но присваивать ее, например, объекту изучения, вряд ли оправданно. Как бы предвидя такой оборот, еще Гегель отмечал недопустимость и “важность выявления того, что содержится в скрытом виде”. Но предостерегал: “не искать в древних философских учениях более того, что мы вправе там находить”; “не приписывать выводов и утверждений, которых они (философы древности – Г. И.) сами не делали”⁴¹. Другими словами, никто не имеет права запретить художнику сказать: я это вижу именно так и никак иначе! Но общество вправе спросить с художника:

1. Почему именно так, а никак иначе?
2. Доказана ли позиция?
3. Нет ли в ней чего-нибудь от лукавого?

Поэтому максимально приблизиться к

объективности, но никогда в полном объеме ее не достигнув, наступив при этом на горло собственным пристрастиям, симпатиям, антипатиям, – дело совести, чести и профессионализма ученых. И если упомянутый выше постулат древних римлян “*Sine ira studio*”, по большому счету, все-таки утопия, то другой их принцип – “*Salvo honore*”⁴² – вполне приемлем для современных исследователей, так как ему сопутствует новая экономическая, социально-политическая и духовная обстановка, контуры которой наметились в российском социуме, вступившим в XXI век. А одна из ее характерных черт следующая: несмотря на все трудности как объективного, так и субъективного характера, новые подходы к изучению пройденного страной пути утверждаются все прочнее. В их ядре твердо займут первое место стремление к беспристрастности в изложении исторических фактов, первозданность информации из источников, не сенсационные, а вызывающие доверие архивные материалы.

Но как же относиться к постмодернистским концепциями, отрицающим, в принципе, возможности познания истории? По моему убеждению, осторожно, взвешенно. Для постмодернистского понимания и осуществления историко-научного познания характерно разочарование в глобальных историко-теоретических построениях. Выглядит дискуссионным в постмодернистских концепциях излишняя концентрация внимания на выражении недоверия к метарассказу, то есть недоверие к тому целостному историческому знанию, которое предлагают историки. У постмодернистов в их исторических представлениях, по меткой характеристике, Г. Померанца, “господствует незнание и нежелание знать, куда движется человеческое общество”⁴³. Одновременно отрицается роль эмоционального и субъективно-личностного в познании⁴⁴.

Разумеется, я не скатываюсь в оценках состояния постмодерна в историографии (в конце-концов, он имеет место в зарубежной исторической науке; есть у него последователи сегодня и в россий-

ской историографии) на позиции огульного нигилизма. Есть, к примеру, рациональное зерно, по моему мнению, в настроенном отношении постмодернистов к эмоциональному и субъективно-личностному аспектам процесса познания.

В оценочных суждениях относительно состояния постмодерна в современной историографии можно исходить, опять же с моей точки зрения, из оригинального тезиса философа русского зарубежья В.В. Зеньковского: “В истории, как и в природе, если и бывают “скачки” и перерывы, то они не отменяют прошлого, – и чем резче и сильнее эти скачки, тем яснее вырисовывается позже возврат к прошлому, восстановление целостного исторического потока”⁴⁵.

Таким образом, предпринята попытка дать ответ о возможности достижения объективности в историческом исследовании. Да, к объективности можно приблизиться. Причем, довольно близко. Именно здесь вступает в силу субъективный фактор – личность историка, его профессионализм, гражданская позиция, умение сопротивляться влиянию политической и научной конъюнктуры. Но полной объективности достичь невозможно никогда, подобно тому, как нельзя пересечь финишную ленту в беге за горизонтом.

Тем не менее, историки всегда будут жить *здесь и сейчас*, а писать о том, что было *там и теперь*. Причем, с разной степенью объективности. Сколько бы ни ставил вопрос о конце истории Ф. Фукуяма⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Более подробно см., напр.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории СПб., 1913. Вып. 1-2; Ковальченко И.Д. Методология исторического исследования. М., 1987; Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987; Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа “Анналов”. М., 1993; Могильницкий Б. Г. История исторической мысли: Курс лекций. – Вып. I. Кризис историзма. Томск, 2001; Поппер К. Открытое об-

- щество и его враги. Т.2. М., 1992 и др.
- ² Гегель . Соч. М.; Л., 1929. Т.1. С.70.
- ³ См., напр.: Ракитов А. И. Марксистско-ленинская философия. М., 1986; Алексеев П.В., Панин А.В. Диалектический материализм. М., 1987; Введение в философию: Учеб. для вузов. В 2 ч. Ч. 2. М., 1989 и др.
- ⁴ См.: Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. М., 1961; Добряков В.С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1968; Философские проблемы исторической науки. М., 1969; Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982; Хвостова К.В. История: проблемы познания // Вопр. филос. 1997. №4. С.60-79; Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 1-20. Томск, 1960 – 1990; Виноградов В.А. Роль научной информации в развитии исследований советских историков // Нов. и новейш. ист. 1985. № 4. С. 3-13. и др.
- ⁵ См.: Поппер К. Что такое диалектика? // Вопр. филос. 1995, № 1. С. 118-138; Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М., 1991; Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М., 1983. и др.
- ⁶ См.: Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984; Ерыгин А.Н. История и диалектика. Ростов н/Д, 1987; Рушквич М.И., Лойфман И.Я. Диалектика и теория познания. М., 1994; Рубеж веков: проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. 191с.; Могильницкий Б.Г. О пользе истории // Историческая наука и историческое сознание. Томск, 2000. С.3-33; Румянцева М.Ф. Теория истории. М., 2002; Репина Л.П. Историческое сознание и историописание// Актуальные проблемы отечественной историографии. Материалы Седьмой Всерос. заоч. науч конф. / Под ред С.Н. Полторака. СПб., 1997 и др.
- ⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т 1. С340-341.
- ⁸ См., напр.: Грылёв А. О некоторых вопросах методологии военно-исторического исследования // ВИЖ. 1963. № 5. С. 3-15; Данилов А.М. К вопросу о методологии исторической науки // Коммунист. 1969. №5. С.68-81; Кедров Б.М. В.И. Ленин и методологические вопросы исторической науки. М., 1969; Маслов Н.А. Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования. М., 1983; Методологические основы историографического исследования. М., 1987. С.57-83; Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. Новосибирск. 1986 и др.
- ⁹ См., напр.: Половецкий С.Д. Армия и советское общество (1918 – 1991 гг.): Историограф. исслед. М., 1995. С.13; Галдобина С.В. Военно-патриотическое воспитание населения СССР в 1946 – 1991 гг. Историограф. исслед. Монограф. М., 2005. С.13-14. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли: Курс лекций. – Вып. I. Кризис историзма. Томск, 2001. С.18-21. и др.
- ¹⁰ См.: Афанасьев В.Г. Системность и общество. М., 1980; Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. Избр. статьи. СПб, 1991; Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. Вып.1 (119). М., 1995; Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории. Учеб. пособие. М., 1997 и др.
- ¹¹ Гуссерль Э. Логические исследования // Философия как строгая наука. Пер. с нем. Новочеркасск, 1994. С.188.
- ¹² См., напр.: Блаумберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997. С. 312.
- ¹³ Более подробно см.: Барг М.А. Категория “цивилизация” как метод сравнительно-исторического исследования. (Человеческое измерение) // Ист. СССР. 1991; № 5. С.70-86; Губман Б.Л. Смысл истории (Очерки современных западных концепций). М., 1991; Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. Тез. Докл. и сообщ. научн. конф. Москва, 29-31 янв. 1996 г. [Электрон. Ресурс]: - Режим доступа <http://liber.rsuh.ru/Conf/Comparative> – Загл. с экрана; Введение в

- историческую науку. Учеб. пособие для студ. негуманитарных фак. / А.В. Бирюков, Г.М. Ипполитов, С.Ф. Кужилин / Под общ. ред. Г.М. Ипполитова. Самара, 2006 и др.
- ¹⁴ См., напр.: Хакен Г. Синергетика. М., 1980. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986; Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск, 1999; Шмаков В.С. Структура исторического знания и картина мира. Новосибирск, 1990; Князев Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начало нелинейного мышления // *Общественные науки и современность*. 1993. №2. С.56-72; Гомаюнов С.А. От истории синергетики к синергетике истории // Там же. 1994. № 2. С.94-103; Делокаров К.Х. Системная парадигма современной науки и синергетика // Там же. 2000. № 6.С.54-61; Бранский В.П. Социальная синергетика как современная философия истории // Там же. 1999. №6.С.41-48; Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // Там же. 2002. № 4.С.41-46; Хвостова К.В. Современная эпистемологическая парадигма в исторической науке // *Одиссей. Человек в истории*. М., 2000. С.8-16; Сапронов М.В.; Бочаров А.В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты. Автореф. дис... канд. ист. наук. Томск, 2002 и др.
- ¹⁵ Гегель. Наука логики. М., 1972. Т. 3. С. 295. Небезынтересно, что в "Философских тетрадах" В. И. Ленина эти мысли Гегеля выделены непосредственно перед формулированием им элементов диалектики, в том числе первого элемента (см.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 29. С. 201).
- ¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд.2-е. Т.20.С.513.
- ¹⁷ Cheyney Edward P. 1927. *Law in History and Other Essays*. New York a Knopf Inc. P.10-22.
- ¹⁸ Breysing Kurt. 1927. *Der Stufenbau und die Gesetze der Weltgeschichte*. Sekond edition, enlarged. Stuttgart and Berlin. G. Gotta'sche Buchhandlung Nachfolger. S. 159-165.
- ¹⁹ Поляков Ю.А. Историзмы (мысли и суждения историка). М., 2001. С.11
- ²⁰ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С.104.
- ²¹ Струве П.Б. На разные темы. СПб., 1895. С.38.
- ²² Более подробно см., например: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып.1. СПб., 1913; Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1992; Тойнби А. Постижение истории. М., 1991; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991; Барг М. Эпоха и идеи: становление историзма. М., 1987; Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа "Анналов"; Гегель Г.-Ф. Философия истории. М., 1988; Методологические основы исторического познания. Казань, 1991; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998; Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М., 1980; Февр Л. Бои за историю. М., 1991; Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992; Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. Минск, 1998 – 1999; Проблемы исторического познания / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 1999; XX век: Методологические проблемы исторического познания / Под ред. А.Л. Ястребицкой. М., 2001 – 2002. Ч.1 – 2; Фигуры истории или "общие места историографии". Вторые санкт-петербургские чтения по теории, методологии философии истории / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2005 и др.
- ²³ Плеханов Г.В. Избр. философские произведения. М., 1958. Т.7.С.528.
- ²⁴ Более подробно см., например: Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. М., 1998. С.128-150.
- ²⁵ Синтезировано по: Источниковедение отечественной истории. М., 1973; Вып.17; Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в ВУ-

- Зах. М., 1977.
- ²⁶ См.: Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1977, С. 292-294.
- ²⁷ См., напр.: Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: Проблемы источниковедения советской истории. М., 1994; Казаков Р. Источниковедение XX столетия // Кентавр. 1993. №2. С.133-142; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие; История исторического знания: пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. М., 2004;
- ²⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2. М., 1992. С.300-301.
- ²⁹ Поляков Ю. Историзмы (мысли и суждения историка). М., 2001.С.3.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Поляков Ю. Историзмы. С.35.
- ³² Там же.
- ³³ Уйтхед А.Н. Избр. работы по философии. М., 1990. С.394.
- ³⁴ Карр Э. История Советской России. КН.1. Т.1, 2. Большевицкая революция. 1917–1923. М., 1990. С.11. Правова Э. Кара подтверждается, к примеру, на пятитомном сочинении генерала А.И. Деникина “Очерки Русской Смуты” (Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: В 5т. Париж; Берлин, 1921 – 1926.. Анализ показывает: в первом и втором томах у А.И.Деникина больше субъективизма, так как не располагал соответствующими документами, больше надеялся на свою память (особенно во втором томе). В 3, 4, 5 томах он базировался в заключениях на соответствующих документах, что привело к большей объективности. Причем, начиная с 3-го тома, генерал значительно расширяет проблематику внутри своего исследования. И это произошло на фоне течения времени эмигрантского бытия бывшего вождя Белого движения. Времени, которое для него, как субъекта, текло “ с разной скоростью”. Оно как бы спрессовалось в экстремальной ситуации выживания генерала на чужбине. А.И. Деникин спешил показать недавнее прошлое в том временном измерении с позиций смысловой наполненности этого временного интервала своего бытия. – Г.И.
- ³⁵ См.: Уйтхед А.Н. Указ. соч. С.392.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С.392.
- ³⁸ См.: Некрич А.М. 1941 год.22 июня. М., 1965.
- ³⁹ Более подробно см., напр.: Соколов Б.Г. История и время // Фигуры истории, или общие места историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / отв. Ред. А.В. Малинов. СПб., 2005. С.92-98.
- ⁴⁰ Без гнева и пристрастия – лат.
- ⁴¹ Гегель. Соч. Т.7. 1932. С. IX, 43-46.
- ⁴² Без вреда для чести – лат.
- ⁴³ Померанц Г. Авангардизм, модернизм, постмодернизм // Опыты: Литературно-художественный, научно-образовательный журнал. 2000. № 3.С.113.
- ⁴⁴ О них более подробно см.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопр. филос. 1990.№3. С.134-155; Риккерт Г. Наука о природе и наука о культуре // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С.90-98; Фромм Э. Иметь или быть?: Пер. с англ. М., 1990. С.137-145; Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996; Козловский П. Культура постмодерна. М., 1997; Бессмертный Ю.Л. Что за “Казус?” // Казус – 1996: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1997. С.7-24; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998; Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. М., 1999. С.100-109; Про А. Двенадцать уроков по истории: Пер. с фр. М., 2000.344с.; Тош Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка: Пер. с англ. М., 2000; Румянцева М.Ф. Теория истории; Она же. “Теоретическая игра” как способ исторического познания // Мир психологии. 1998.№4.С.159-171; Репина Л.П. Новая историческая наука и социальная история. М., 1998; Она же. Концепции со-

циальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М., 2005. С. 122-169; Она же. Историческое сознание и историописание // "Цепь времен": проблемы исторического сознания. Памяти профессора М. А. Барга / Ред. Л.П. Репина. М., 2005. С. 3-11; Жигунин В.Д. Современные тенденции в историографии (к вопросу о постмодернизме) // Итоговая научная конференция Казанского государственного университета за 1997 год. [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ksu.ru> – Загл. с экрана; Селунская Н.Б. Указ. соч.; Кравцов В. Н. Российская историография по-

стмодернизма // Россия в новое время: единство и многообразие исторического развития: Материалы рос. Межвуз. науч. конф. М., 2000. С. 229-232; Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru> – Загл. с экрана; Анкерсмит Ф.Р. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С.12-24; С.32-36 и др.

⁴⁵ См.: Зеньковский В.В. Истоки русской философии. Париж, 1950. Т.2. С.269.

⁴⁶ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопр. филос. 1990. №3. С.134-155.

OBJECTIVITY OF HISTORICAL RESEARCHES: WHETHER IT IS ACHIEVABLE? DISCUSSION NOTES

© 2006 G.M. Ippolitov

Povolzhsky Branch of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Samara

In article are stated (in a key of debatable reasonings) some positions of the author on a problem of objectivity of historical researches